

Ирина В. Бугаева (Москва)

Притча в современном религиозном дискурсе

✦ **Ключне речи:**
жанр, притча, религиозный дискурс.

Притча – один из самых древних жанров, сохранившихся до настоящего времени. За долгую историю бытования сформировались основные жанровые признаки, оформились разновидности, определилась композиция, сложились характерные художественные особенности притчи. В современном определении притча – это «короткий рассказ, содержащий поучение в иносказательной форме, но без морали, прямого наставления. Мораль каждый извлекает (или не извлекает) из притчи сам, следует (или не следует) наставлениям. [...] Притча заставляет думать, понимать свои чувства и поступки, видеть промахи, становиться лучше. Притча учит нравственности» (Тумина 2007: 7).

Рад представља анализу савремене мисионарске алегорије, која се одликује властитом циљном оријентацијом, конкретним адресатом, одређеним комуникативним ситуацијама, типичним језичким средствима и новим варијететима као што су, на пример, алегорија-поука и алегорија-обраћање.

Основные признаки жанра притчи были отмечены в работах С. С. Аверинцева, Н. И. Прокофьева, Е. К. Ромодановской, Н. Л. Мухелишвили и других. Л. Е. Тумина подробно изложила историю жанра притчи в античной, древнерусской литературе и в литературе Нового времени, проанализировала разновидности библейской притчи, дополнила и уточнила жанрообразующие признаки притчи. «Притча представляет собой малый эпический жанр, основным признаком которого все исследователи признают дидактизм, поучительный характер» (Тумина 2007: 36). С. С. Аверинцев определяет притчу как «дидактико-аллегорический жанр, близкий басне» (Аверинцев 1964: 20). Определение притчи, приводимое

в Библейской энциклопедии, носит отголосок атеистического мировоззрения: «Притча – развернутая метафора или сравнение, часто превращающееся в краткое повествование, в основном используемое людьми библейских времен для дидактических целей» (Цит. по: Тумина 2007: 31). Безусловно, жанр притчи не ограничивается только библейским периодом, либо стоит определить хронологические границы этого периода, так как для многих людей и сегодня Библия – главная книга. Более точное определение приводится в Библейском словаре шведского миссионера Э. Нюстрема: «Притча – евр. машаль. Притча, рассказ, взятый из истории или окружающей жизни, цель которого – запечатлеть духовные или нравственные истины. Греческое слово «параболэ» (притча) обозначает также «сравнение», ибо при помощи притчей делают сравнение между естественными и духовными предметами и показывают соответствие между чувственным и духовным миром» (Нюстрем 1999: 353). Далее Э. Нюстрем отмечает, что притчами часто пользовались пророки, чтобы «произвести впечатление на народ и князей», и Спаситель для изложения Своего учения. «Почти всего Его притчи имеют целью представить Царствие Божие с различных точек зрения». А «цель притчи заключается не в точной передаче события или явления природы, а в откровении высших духовных истин» (Нюстрем 1999: 353). Именно эта функция изложения религиозного видения мира важна для нашего исследования, в котором анализируются притчи, бытующие в современной православной среде, которые мы называем *миссионерскими притчами*.

В настоящее время притча активно возрождается как миссионерский жанр,

помогающий священнослужителям, катехизаторам, миссионерам отвечать ищущим Бога на сложные вопросы бытия: Кто таков Бог? В чем спасение? и т.д. Об актуальности и востребованности этого жанра говорит факт появления особых сборников современных религиозных притч. Так в серии «Библиотека игумена Евмения» вышло пять сборников под общим названием «Притчи православного миссионера» с подзаголовками: «Кто Ты, Господи?», «Учитель и ученик», «Я и мой путь», «Как рассказать о своей вере», «Кто мой ближний», подготовленных издательством «Свет Православия» (Евмений 2007), многие проповедники также часто прибегают к этому жанру.

Обращение к притче обусловлено тем, что этот жанр предполагает активное содействие автора и адресата. Так, «евангельские притчи в продолжение двух тысячелетий позволяют множеству людей находить в них свой собственный глубинный смысл и получать бесценное наставление. [...] Притчи облегчают понимание духовных законов, становящихся доступными» (Евмений 2007: 5–6). Притча одновременно информативна и поэтична.

К жанрообразующим признакам притчи относятся краткость, прямое/непрямое назидание, особый способ психологического воздействия на адресата (заставляет задуматься об основных вопросах бытия), аллегоризм повествования, обусловленность сюжета поставленной целью; концентрация на одной морально-нравственной идее, в той или иной степени восходящей к библейским заповедям и богословским догматам; обобщенность, вневременность, диалогичность.

Анализируемые тексты представляют собой несколько разновидностей миссионерской притчи, классифицируемых по

композиции и тематически. Большинство текстов анонимны, но иногда известен автор.

Выделяются следующие тематические группы:

- притчи, о поиске и познании Бога;
- притчи о том, как жить в любви к ближнему, выполняя Христову заповедь;
- притчи о важности и ценности ученичества и послушания;
- притчи о поиске собственного жизненного пути;
- притчи, помогающие рассказать о вере и Боге другим.

Особенность любой притчи состоит в многозначности ее содержания. Адресованная людям разного возраста, образования, степени воцерковленности и богословской подготовки, притча может быть истолкована и интерпретирована по-разному. Это позволяет выделить несколько уровней восприятия. Так Л. Е. Тумина предлагает три таких уровня: бытовой, обобщенный и богословский (Тумина 2007: 38–39). Бытовой уровень – самый элементарный – это типичный жизненный эпизод, знакомый каждому. Обобщенный уровень восприятия предполагает, что ситуацию, в которой персонажу приходится делать нравственный выбор, читающий/слушающий (реципиент) примеряет на себя и решает, какой выбор он сам сделал бы в аналогичной ситуации. Самый высокий богословский уровень восприятия подразумевает умение соотнести бытовую ситуацию с одной из догматических истин.

Н. И. Прокофьев, а вслед за ним и Л. Е. Тумина выделяют несколько структурных типов притч в древнерусской литературе и классической риторике: притча-повесть, притча-басня, притча-пословица, притча-загадка (Прокофьев 1983, Тумина

2007). Л. Е. Тумина предлагает использовать в качестве критерия выделения структурных типов *характер поучения в притче* (Выд. Туминой – И. Б.). (Тумина 2007: 53). Вооружившись этим критерием, выделяем следующие типы имеющихся у нас текстов современных миссионерских притч (числом более 230):

- классическая притча, восходящая к библейскому образцу;
- притча-повествование;
- притча-басня;
- притча-поучение, часто состоящая из нескольких афоризмов;
- притча-обращение.

Идеи, сюжеты для современных притч обычно берутся из реальной жизни, о чем свидетельствуют типичные бытовые ситуации, лексика (телефонная книга, маникюр, машина Ягуар, аэропорт, аллергия, бизнес, диссертация, исследовательский центр, отдать икону в музей, тираж, автомобиль, эксперт по семнадцатому веку, датировка, дискуссия, цветные фломастеры). Встречаются притчи, сюжет которых вызывает ассоциации с библейскими, но в них вневременность и современность переплетаются. В качестве примера приведем притчу «Судья и его сын». Изложим кратко довольно длинный сюжет. В одном городе жил справедливый Судья. Однажды он судил восемнадцатилетнего юношу, совершившего тяжкое преступления, которое по законам страны каралось смертной казнью. Судья не сомневался в справедливости приговора, но был подавлен, в глубине души не мог смириться с тем, что на эшафот надо отправить молодого человека. Оставшись один в своей комнате, Судья глубоко задумался. Он не имел права настаивать на помиловании, потому что закон требовал наказания. Но на объявление юноше

смертного приговора у него не душевных сил. Неожиданно в комнату вошел его сын, который недавно с отличием окончил школу и поступил в университет на тот же факультет, где некогда учился и сам Судья. Сын предложил помочь отцу и разрешить его сомнения. Когда началось последнее заседание суда, то вместо оглашения приговора встал сын Судьи и сказал, что в законе есть пункт, гласящий, что смертную казнь может принять за преступника другой человек, и что этим человеком станет он. Прошло несколько лет, бывший преступник после всего переехал в другой город, поступил в университет на вечернее отделение, нашел работу. Но все это время не мог забыть последнее виденное им выражение на лице Судьи, когда стража увела на казнь его родного сына. И однажды, найдя в старой телефонной книге адрес Судьи, он сел в автомобиль и через некоторое время оказался перед дверью дома. Дрожащей рукой нажал кнопку звонка, слышались шаги, отворилась дверь, на пороге появился сгорбленный пожилой человек. В его глазах не читалось даже упрека! Молодой человек с трудом произнес: «Вы меня помните? Могу я что-то сделать для Вас?» «Я прошу только об одном, – тихо сказал Судья, – просто будь моим сыном...». Молодой человек растерялся, повернулся и убежал. Всю ночь он не спал, а на следующий день рано утром помчался к дому Судьи. Когда дверь открылась, «молодой человек упал на колени и с жаром, рыдая в голос, обхватил ноги Судьи. Судья с нежностью привлек его к себе, и это мгновение длилось целую вечность» (Евмений 2007).

Эта притча может ассоциироваться с евангельской притчей о блудном сыне. Три действующих лица: отец, благополучный сын и неблагополучный «сын», пусть

даже неродной. Существенная разница в сюжете состоит в том, что благополучный сын, исполняя заповедь любви к ближнему, принес себя в жертву, пойдя на казнь, дабы спасти жизнь и дать время на покаяние заблудшему молодому человеку. Это – первый, бытовой уровень восприятия. Тогда вторым, обобщенным уровнем восприятия будет символическое толкование сюжета с проекцией на собственную семью, свою жизнь и жизнь близких. С позиции богословского уровня эта история трактуется как гимн величию жертвенной любви, где Судья (не случайно слово пишется с прописной буквы) – Бог-Отец, пославший в тварный мир Своего возлюбленного Сына, смертью искупившего грехи неразумных людей. Молодой человек – это каждый живущий на земле, грешный, мятущийся, ищущий, которого милосердный Господь терпеливо ждет и просит только об одном: «Стань моим сыном!». Так сюжет евангельской притчи преломляется под новым углом зрения, развивая образ благополучного сына и поднимая его до высоты жертвенной искупительной любви.

К типу притчи-повествования относятся сюжетные тексты с действующими лицами, часто описывающие вполне реальные бытовые сценки. Скрытая назидательность, четкая целевая установка позволяет отнести их к притчам, например: «Она думает, что я настоящий», «Официантка», «50 лет вежливости», «Мой Лик», «Здесь ровно 500» и др. (Евмений 2007: Т.1). В качестве примера приведем короткую притчу «Детская вера»:

В одном городе приключилась засуха. Лето было в разгаре, и городской священник созвал утром людей в храм помолиться о ниспослании дождя. Пришли все жители, и все смеялись над одним мальчиком: тот явился с зонтиком! Сме-

ясь, люди говорили ему: «Глупыш, зачем ты притащил зонтик? Потеряешь! Ведь стоит жара...» А мальчик ответил: «А я-то думал, что вы пришли помолиться о дожде» (Евмений 2007: 1: 94).

Тип притч-басен представлен такими примерами, как «Выключатель и Лампочка», «О Ветре и Цветке», «Тучка и Дюна», «Притча о бамбуке», «Притча о гвоздях в заборе», «Хрупкий подарок» и др. (Евмений 2007: Т.1). Типичный пример – притча «Кукла из соли». Сюжет таков: кукла из соли пропутешествовала тысячи миль и остановилась на берегу моря. Никогда не видевшая ничего подобного, она была очарована его величием, а потом спросила: «Кто ты?». Затем вошла в воду. Чем дальше она шла, тем больше рас-

творялась, пока от нее не осталась лишь одна щепотка. За мгновение до полного исчезновения она с восторгом воскликнула: «Теперь я знаю, кто я!». Здесь нет никакого поучения, назидания, морали, но каждый легко может сделать вывод сам: лишь полностью растворившись в другом, можно узнать себя. Таков закон любви к ближнему.

Притчи-поучения бывают разными, иногда это действительно афоризмы, но чаще, афоризмы, собранные вместе, составляющие тематически единый законченный текст, композиционно выстроенный по принципу синтаксического параллелизма и начинающийся анафорой. Например:

73

Если ребенок живет в атмосфере критики,
он учится осуждать.
Если ребенок живет в атмосфере враждебности,
он учится сражаться.
Если ребенок живет в атмосфере насмешек,
он учится быть стеснительным.
Если ребенок живет в атмосфере снисходительности,
он учится терпению...
(Евмений 2007: 2: 68–69).

В научной литературе, посвященной изучению притчи, диалогичность считается одним из характерных жанрообразующих признаков. Действительно, большинство современных притч диалогично, но это не всегда явлено в тексте. В прагматическом аспекте помимо собственно коммуникации, выражающейся в диалогичной структуре текста, наблюдается также гиперкоммуникация, квазикоммуникация и автокоммуникация. Во-первых, часто это реальный диалог героев притчи (Отец и сын; Судья и его сын). Во-вторых, это всегда диалог автора, часто неизвестного, и читателя/

слушателя. Иногда, в силу символичности и метафоричности притчи, одним из собеседников является неодушевленные предметы, что позволяет говорить о квазикоммуникации. В-третьих, притча – это иносказание, которое помогает человеку «включиться» во внутренний диалог между реальным и внутренним человеком, между плотью и духом, что составляет суть автокоммуникации. Некоторые современные притчи строятся как диалог Бога и человека («Интервью с Богом», «А Бог сказал: «Нет», «Следы на песке», «Когда Бог отвечает тебе», «Бог и Маленькая Душа»). В этом случае О. А. Прохватило-

Стиль 2008

ва предлагает использовать термин «гиперкоммуникация», понимая под ним особый вид общения. «Гиперкоммуникация становится возможной благодаря особому восприятию сакрального текста, которое свойственно православному мировоззрению и состоит в осознании

сакрального Слова как воплощения Божественной сущности Спасителя» (Прохватилова Интернет-ресурс). Особенностью притчевого диалога иногда является использование цитат, т.е. реплики Бога есть ни что иное как атрибутированные библейские фразы:

74

Ты говоришь: «Это невозможно!»
Бог говорит: «**Со Мной возможно всё**» (Лк 18:27).

Ты говоришь: «Я слишком устал».
Бог говорит: «**Я успокою тебя**» (Мф 11:28).

Ты говоришь: «Я не понимаю окружающий меня мир»
Бог говорит: «**Я буду направлять твои шаги**» (Пс 3: 4–5).

Ты говоришь: «Я недостаточно умён».
Бог говорит: «**Я даю тебе мудрость**» (Кор 1:30).

Ты говоришь: «Я чувствую себя одиноким».
Бог говорит: «**Я никогда не покину тебя**» (Евр 13:5).
(Евмений 2007: 2: 96–98)

Библейские цитаты дополнительно выделены полужирным шрифтом, чтобы подчеркнуть их происхождение. Явление интертекстуальности в современной миссионерской деятельности находит своеобразное применение, когда изречения

из Библии составляют абсолютно новый нравственно-поучительный текст, в котором нет других слов, как это видно из фрагмента «Письма Бога, обращенного лично к тебе»:

Дорогое мое дитя! (1 Ин 3: 1).

Возможно, ты не знаешь Меня, но Я знаю о тебе все (Пс 138: 1).

Ты принадлежишь Моему роду (Деян 17: 28).

Ты не случайность. В Моей книге записаны все дни, предназначенные для тебя (Пс 138: 15–16).

Я был не понят и отвергнут теми, кто не хотел знать Меня (Ин 8: 41–44).

Я не удаляюсь и не сержусь, Я люблю (1 Ин 4: 16).
(Евмений 2007: 2: 18–31)

По сути, выбранные цитаты составляют вторичный, но абсолютно самостоятельный текст. Их содержание обычно, это не яркие сентенции. Но подкрепленные указаниями на библейский источник они приобретают особое значение, некий высокий и таинственный смысл, облаченный в доступную для понимания форму. Это – новый тип притч, который мы назвали притча-обращение. К этому типу относится также очень известный и широко распространенный в настоящее время в России текст «От Меня это было», принадлежащий иеросхимонаху Серафиму Вырицкому. Подобные примеры – яркий образец гиперкоммуникации.

Часто притча композиционно «остается как бы незаконченной, и тем самым оставляет слушателю свободу мыслить и творить, возможность сделать собственные выводы» (Евмений 2007: 6). В качестве примера приведем притчу «Отец и сын»:

– Я умею всё! – Сказал сын Отцу, научившись писать первую букву. Отец улыбнулся и подарил ему букварь.

– Я знаю мир! – Заявил сын, обойдя открытые комнаты в доме. Отец улыбнулся и вывел его в сад.

– Я самый..., самый..., самый...!

А Отец всё улыбался, улыбался, улыбался

(Евмений 2007: 2: 53).

В этой притче нет никакого назидания, всё символично. Отец – это Господь, о чём свидетельствует прописная буква, сын – это любой человек, жаждущий познания. Другие символы каждый может расшифровать по-своему, например, буква – это начальные, минимальные знания

о мире, первый шаг в постижении глубин мироздания, а букварь – это может быть Евангелие или символ обобщенного знания. Притча сюжетно незакончена, вся соткана из намёков, читателю ничего не навязывается, а лишь заставляет задуматься.

Есть и другой прием окончания притчи – использование риторических вопросов. Так, в притче «Покажи мне Бога» митрополит Антоний Сурожский рассказывает о человеке, который умолял показать ему Бога. Владыка попросил его подумать, кем видит себя этот человек в сцене о грешнице в восьмой главе Евангелия от Иоанна. Вопросивший честно ответил, что видит себя «как единственного еврея, который не ушел и побил камнями эту женщину». Митрополит завершает диалог словами: «Как вы можете увидеть Бога, Которому вы до такой степени чужды?». А после этого следует череда риторических вопросов, обращенных к каждому. Высокая степень обобщенности передается грамматически с помощью мы-инклюзивного и соответствующих глагольных форм:

Нет ли чего-то подобного в опыте каждого из нас? Нет ли в каждом из нас сопротивления, отказа, отрицания Бога? Не ищем ли мы Бога по собственному образу, подходящего нам Бога? Не отвергнем ли мы истинного Бога, если найдем Его? Готовы ли мы к встрече с Богом, Каков бы Он ни был, даже если эта встреча нас осудит и перевернет все наши ценности? Не является ли часто отсутствие Бога в нашей жизни и в нашей молитве результатом того, что мы Ему чужды, и даже встретившись с Ним лицом к лицу, не видим Его, не узнаём? (Евмений 2007: 2: 48–49).

Притчи часто строятся по принципу антитезы. Этот прием, предлагающий

диаметрально противоположные понятия, использующий антонимы, определяет границы добра и зла, желаемого и полезного для спасения:

Иисус голоден – Его надо накормить;
Иисус жаждет – Его надо напоить;
Иисус раздет – Его надо одеть;
Иисус бездомный – надо дать Ему кров;
Иисус болен – Его надо вылечить;
Иисус печален – Его надо любить;
Иисус отвергнут – Его надо утешить...
(Мать Тереза).

76

Пусть помнят, что ранить любимого человека, – занимает всего лишь несколько секунд, а залечить эти раны, – это может занять долгие годы.

Пусть поймут, что богат не тот, у кого больше, а тот, кто нуждается в меньшем. (Интервью с Богом. Евмений 2007: 2: 51).

В «Притче о бабочке», фрагмент из которой приводится ниже, противоположность желаемого и полученного отмечена графически знаком тире и новой строкой:

Я просил у Бога сил,
– а Бог дал мне трудности, чтобы сделать меня сильным.
Я просил у Бога мудрости,
– а Бог дал мне проблемы для их разрешения.
Я просил у Бога богатства,
– а Бог дал мне разум и телесную крепость, чтобы я мог работать.
Я просил у Бога возможности летать,
– а Бог дал мне препятствия, чтобы я их преодолевал.
Я просил у Бога любви,
– а Бог дал мне людей, которым я мог бы помогать в их проблемах.
Я просил у Бога благ,
– а Бог открыл мне возможности.
Я ничего не получил из того, о чем просил, но я получил всё,
что мне действительно было нужно

(Евмений 2007: 2: 77–78).

В вышеприведенных примерах помимо антитезы используется и другой яркий стилистический прием, характерный жанру притчи, – синтаксический и лексический параллелизм, что создает определенный ритм, иногда напоминающий ритм молитвы или библейского стиха.

Иносказание – еще один распространенный стилистический прием притчи. В притче «Лодка с одним веслом» гребля одним и двумя веслами служит иносказанием, говорящим о необходимости печали в жизни человека, без которой невозможно познать счастье и развиваться духовно:

Жил-был старец. В один прекрасный день послушник спросил у него, когда садились они в лодку:

– Мне понятно, что существует радость, поскольку Бог – наш Отец и, естественно, Он должен дарить радость детям своим. Но почему существует печаль, несчастье?

Ничего не ответил старец, но стал грести одним веслом. Лодку закружило...

– Что ты делаешь?! – воскликнул послушник. – Если ты будешь грести одним веслом, нам никогда не достичь другого берега, мы так и будем кружить на одном месте. У тебя сломалось второе весло или заболела рука? Давай я буду грести!

– А ты умнее, чем я думал, – отвечал старец

(Евменин 2007: 2: 73).

Жанру притчи характерны особые пространственно-временные характеристики. М. М. Бахтин считал, что «существенная взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» имеет определяющее значение (Бахтин 1975: 234). По мнению Л. Е. Туминой, «притче присущ хронотоп, позволяющий адресату проводить параллели между двумя планами или мирами, «видимым» и «невидимым». Притча никогда не описывает более или менее реальные исторические события [...] Конкретные указания на страну или город, в котором происходит действие, совершенно не характерны для жанра притчи в целом. Хронотоп притчи обычно отвечает двум основным условиям: 1) создает условную, максимально обобщенную обстановку для проведения «эксперимента» – проверки заданной

в притче идеи; 2) подчеркивает реальность происходящих событий» (Тумина 2007:48). В притче присутствует некий условный мир (*в одном городе, на берегу океана, берег моря, на одном конце света, в одной стране, в одном селении, на Земле и т.п.*), свидетельствующий о высокой степени обобщенности. Этой же задаче служит надвременность происходящего (*однажды, давным-давно, на заре развития Вселенной, в один солнечный день, как-то раз и т.д.*). Безымянность героев притч, отсутствие портретных и речевых характеристик также усиливают обобщенность, придавая универсальность сюжету (*некая дама, некоторые люди, некто, старец, старый лодочник, добрый человек, один новоначальный послушник, один жадный мельник, одна семья*). Героями притч традиционно могут не только люди (*мудрец, фонарищик, рыбак, ключарь, мельник, официантка, послушник*), но и неодушевленные предметы (*Кукла, Скрипка, Кувшин, Ветер, Дюна, Цветок*), а также абстрактные понятия (*Любовь, Познание, Верность, Гордость*). Высокая степень обобщенности, по мнению Д. С. Лихачева, объясняется желанием «увидеть во всем «временном», «тленном», [...] символы и знаки вечного, вневременного, «духовного», «божественного» (Лихачев 1979:109).

Цель притчи – в откровении духовных истин, чтобы помочь человеку сделать нравственный выбор (притчи-повествования и притчи-басни) или прямо указать на то, как надо поступать (притчи-афоризмы и притчи-обращения). В последнем случае для этого обычно используются императивные конструкции.

Все анализируемые нами притчи теоцентричны, в них явно или опосредовано

главным действующим лицом является Господь как Творец мира, любящий Отец всего сущего, милосердный и справедливый Судья,

Выразительность повествования в кратком жанре притчи достигается благодаря сравнениям, эпитетам и метафорам. В современных притчах частотны те же метафоры, что и в библейских (*жизнь – плавание, мир – море, любовь – вода, сердце – рай, виноградник* и т.д.).

78

Ряд притч в синтаксическом плане построен на отрицательных предложениях. Мы назвали это апофатическим принципом построения притчи. В богословии известно апофатическое богопознание, основанное на предпосылке, что Бог несоизмерим со всем, что есть в тварном мире, поэтому все имеющиеся слова непригодны для понимания Бога. В результате используется принцип апофатизма, т.е. метод отрицания, встречающийся и в притчах. Например:

Я не могу молиться «Отче», если не пережил и не прочувствовал, что Бог действительно стал для меня Любящим Отцом.

Я не могу молиться «наш», если моя вера не вмещает других людей и их нужды.

Я не могу молиться «сущий на небесах», если все мои интересы отражены лишь в земных вещах.

Я не могу молиться «да святится имя твое», если я стараюсь освятить лишь Божью помощь, но не имею в виду лично Его.

Я не могу молиться «да придет Царствие твое», если я не желаю жить по законам этого Царства...
(Евмений 2007: 2: 16–17).

Современные притчи написаны хорошим литературным языком, не перегружены церковнославянизмами и просторечной лексикой.

Графические особенности оформления текстов притч (выделения, расположение строк) объясняются их ориентацией на читающего человека. То, что устно передается интонацией, в письменной форме может быть отражено с помощью графики. Современная миссионерская деятельность несколько изменилась. Если раньше слово Божие люди слушали в церкви от священника или на уроках закона Божия, то с конца XX века часто книга и письменный текст становились первыми источниками информации о вере.

Таким образом, можно выделить самостоятельную разновидность притчи, ранее не описанную в научной литературе, т.е. современную миссионерскую притчу с собственной целевой установкой, конкретным адресатом, определенными коммуникативными ситуациями, характерными языковыми средствами, новыми разновидностями. В своей проповеднической и миссионерской деятельности современные священнослужители используют не только библейские притчи, но, учитывая особенности мировоззрения и склада ума современного человека, создают новые, следуя древней традиции.

*summary***Σ Modern missionary parable in a religious discourse**

The clause is devoted to the analysis of a modern missionary parable with own purpose, the concrete addressee, the certain communicative situations, the characteristic language means and new versions. In the missionary activity modern clerics use not only bible parables, but create new one, following ancient tradition and considering features of outlook and mentality of the modern person.

The special features of the modern parable are the brevity, direct/indirect edification, a special way of psychological influence on the addressee, allegories, conditionality of a plot an object in view concern; concentration on one moral idea which is to some extent going back to bible precepts and theological doctrines; generalization.

Analyzed texts (more than 260) represent some versions of the modern missionary parable, classified are composite and thematically: the classical parable which is going back to the bible sample; a parable-narration; a parable-fable; a parable-reference, a parable-homily often consisting of several aphorisms.

79

Литература

- Аверинцев 1964: **Аверинцев, С. С.** Притча // Краткая литературная энциклопедия. Т. 6. Москва. – С. 21.
- Бахтин 1975: **Бахтин М. М.** Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Москва.
- Древнерусская притча 1991: **Древнерусская притча.** Москва.
- Евмений 1: 2007: **игумен Евмений.** Кто ты, Господи? Притчи православного миссионера. Москва: Свет Православия. – 141 с.
- Евмений 2: 2007: **игумен Евмений.** Кто мой ближний? Притчи православного миссионера. М.: Свет Православия, 2007. – 173 с.
- Лихачев 1979: **Лихачев Д. С.** Поэтика древнерусской литературы. – 3-е изд. – Москва: Наука. – 360 с.
- Мухелишвили 1989: **Мухелишвили Н. Л., Шабуров Н. В.** и др. Прагматика притчи. Препринт. Москва. – 17с.
- Нюстрем 1999: **Нюстрем Э.** Библейский словарь. спб.: «Библия для всех». – 522 с.
- Прокофьев 1983: **Прокофьев Н. И.** Древнерусские притчи и их место в жанровой системе литературы русского средневековья // Литература Древней Руси: Межвузовский сборник научных трудов. Москва.
- Прохватилова Интернет-ресурс: **Прохватилова О. А.** Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи
[http://www.portal-slovo.ru/rus/philology/222/682/8681/\\$print_text/?part=1](http://www.portal-slovo.ru/rus/philology/222/682/8681/$print_text/?part=1)
- Тумина 2008: **Тумина Л. Е.** Притча как школа красноречия. Москва: Изд-во лки. – 368 с..